

Надпись из Дудхпани. Проблема интерпретации санскритской "политической" терминологии.

Текст надписи из Дудхпани в Бихаре был опубликован в 1894 году Ф. Кильхорном. В комментарии к публикации он датирует его VIII веком, основываясь на палеографии памятника, во многом похожего на надпись из Афсада царя из династии Поздних Гуптов Адитьясены (647-680)ⁱ. Уточнение датировки времени правления Поздних Гуптов, по сравнению с той, которой следовали Дж. Флит и Ф. Кильхорн, позволяет датировать рассматриваемый текст VII веком. Как можно судить из содержания, текст был записан потомками основных его героев (и, соответственно, события, описываемые здесь относятся к более раннему времени, возможно, ко времени Харши).

Ф. Кильхорн не уделял внимания употреблению в тексте, имеющем необычный для индийской эпиграфики сюжет, столь же необычной специальной терминологии - автор единственной публикации текста просто не знал о существовании традиции "политической литературы". Не придавал значения этому факту и Р.Ш. Шарма, главным для которого был отраженный здесь, по его мнению, редкий для индийской истории того времени факт существования практики коммендации (добровольного перехода под защиту "феодала"), значительно более хорошо известной по европейским источникам.

Чтобы подчеркнуть важные, с нашей точки зрения, особенности сюжета и терминологии настоящего памятника, обратимся к его содержанию. Все описываемые здесь события касаются деревеньки Бхрамара-Шалмали и двух соседних с ней - Чхингала и Набхутишандаки. Существенно, что речь в тексте идет о незначительных поселениях, это подчеркивается употреблением термина *палли*, маленькая деревняⁱⁱ вместо обычного для эпиграфики термина *грама*. Адхираджа Магадхи Адисимха, как здесь говорится, был **прежде** правителем (*адхипати*) в этих деревеньках. Встреча Адисимхи с героями сюжета надписи - торговцем Удаяманой и его братьями, остановившимися в деревне по дороге домой из Айодхьи, произошла, когда он, собравшись поохотиться в этих местах, предварительно появился в деревеньке Бхрамара-Шалмали и потребовал с жителей *авалагана*, видимо, какую-то податьⁱⁱⁱ. Правитель Магадхи потребовал подать **по дороге** на охоту, жители же, были явно не готовы к такому

требованию - поэтому, можно предполагать, что это был какой-то нерегулярный, "разовый" сбор. Они обратились за помощью к богатым торговцам, гостившим в деревне. Старший из братьев, Удаямана, согласился помочь, сам отправившись к Адисимхе. Уплатив *авалагана*, Удаямана стал его "любимцем" или "другом" (*валлабха*, термин имеющий в эпиграфике, чаще всего, "политический" контекст)^{iv}. Проведя несколько дней вместе с правителем Магадхи, получил Удаямана от Адисимхи "диадему" и последний, по его просьбе, даже согласился выразить (видимо, публично) жителям деревни свое удовлетворение. И, по возвращении, Удаямана был встречен жителями, обратившимися к нему со словами: "Будь ты здесь *раджей*, охраняя эту деревеньку!"^v Получив его согласие, жители предоставили ему "ранг правителя" (*раджьяпада*) и назначили его "правителем земли" (*кишти-бхрит*). Так, говорится в надписи, эта семья (*ирени*) достигла *царствования* (*раджья*) и стала *царской*. Удаямана по возвращении в Бхрамара-шалмали послал своих братьев править в соседние деревеньки в качестве "зависимых" (*вашья*) правителей. Один из них характеризуется здесь, как "(обладавший) кругом (*мандала*) разгромленных противников (*амитра*)". Из завершающих текст трех стихов можно судить, что основной причиной составления надписи было объяснение взаимоотношений трех царств и их правителей родственными связями их предков (потомки младших братьев Удаяманы продолжали быть зависимыми от правителя Бхрамара-Шалмалли).

Текст этой надписи заставляет задуматься о двух принципиально важных проблемах, однозначное отношение к которым индологов, по нашему мнению, всегда создавало определенные препятствия для правильного понимания содержания социально-политических отношений в Индии в древности и средневековье. Прежде всего, я имею в виду однозначность представлений о структуре "государств" в древности и средневековье, о логике их складывания^{vi}. И, как следствие, нередкую некорректность интерпретации "политической" терминологии индологами, которые всегда понимали термин *раджа*, "царь", как обозначение главы "государства", термин *раджья*, царство, как обозначение территории государства, соответственно, *деша*, *вишья* и пр. - как обозначения "административных подразделений" государств, "дистриктов", а термины,

которыми обозначались лица, например, собирающие подати, как обозначения "чиновников".

Употребление "политической" терминологии привлекает здесь особое внимание, поскольку речь идет о "правителях" в маленьких деревеньках-*палли*. Обычная для эпиграфики, шастр и литературы интерпретация терминов *раджа*, *раджья*, *мандала* и пр. выглядит немыслимой в контексте рассматриваемой надписи. Конечно, следует учитывать, что индийские надписи могли значительно преувеличивать или приукрашивать фиксируемые в них подвиги, завоевания, титулатуру правителей. Следуя традиции, пользуясь лексикой, оборотами, специальной терминологией эпоса и шастр, они могли превращать описание рядового события в эпическое повествование или следовать в его описании модели шастры. Такой метод изложения выглядит вполне закономерным для индийской традиции, понятна и логика его использования - авторы фиксировали события так, как они должны быть представлены с их точки зрения. Но в данном случае конкретное обозначение места событий резко контрастирует с пышностью характеристик "действующих" лиц и это позволяет с большой долей уверенности судить о достоверности рассматриваемого текста.

Не вызывает сомнения знание и использование авторами сюжетов эпической литературы, возможно даже местных вариантов Махабхараты (об этом можно догадываться по использованию в качестве эпитетов не только имен Арджуны, Карны но и известного отрицательного героя, царя Джарасандхи, "изначально рожденного в двух лицах", и "объединенного" ракшаси Джарой). Знали авторы и терминологию литературы о "политике" - о брате Удаяманы Аджитамане (букв. - "непобедимом"), зависимом царе "деревеньки" Чхингалая говорится, как о царе обладавшем *мандалой* разгромленных противников. Так как достоверность событий, излагаемого здесь вполне рационального объяснения, как **братья-торговцы** стали **правителями** в трех "деревеньках" не вызывает сомнения, важным здесь выглядит вопрос о том, какими основаниями руководствовались авторы надписи называя братьев *раджами*, а одного из них, даже правителем *мандалы*. Признание обобщенности социальной и политической терминологии в источниках, когда одним термином (например, "слуга", "сподвижник", "сановник", "друг-союзник") могли именоваться представители различных уровней общественной иерархии здесь не дает

возможности прояснить ситуацию, поскольку речь идет о вполне конкретных событиях на самом нижнем уровне общественной структуры. Деревню, правителем которой стал Удаямана вряд ли можно считать находившейся на периферии районов распространения индийской текстовой традиции, для которой употребление термина "царь" (*раджа*) всегда подразумевало наличие у такого лица определенного статуса, прав, обязанностей и исполнение им соответствующих ритуалов. О том, что авторы надписи следовали текстовой традиции свидетельствует содержание надписи, употребление традиционных оборотов, эпитетов и терминологии. Соответственно, должны были быть достаточно веские основания, чтобы говорить о "царях" в деревеньках.

Объяснение особенностей исследуемого текста, также как и объяснение причин не раз отмечавшейся "обобщенности" или расплывчатости социальной и политической терминологии в древнеиндийской литературе следует, как мне представляется, искать не в отдаленности от реальной жизни литературной традиции, которой следовала и эпиграфика, а в несовпадении ее категориального аппарата с категориями европейской исторической науки. Недостаточное внимание к этой проблеме ведет, подчас, к механическому отождествлению санскритской и специальной "государственнической" (в данном случае) терминологии европейской науки. Причиной и, одновременно, следствием этого является неточность представлений о складывании и эволюции государственности в Индии в древности и средневековье.

Вполне ясно, что целый ряд явлений индийской культуры не сводим к наименованиям которые чаще всего мы к ним прилагаем, рассматривая, например, упанишады, как памятники философской мысли, а дхармашастры, как "сборники законов"^{vii}. Еще менее корректны бывают названия, зафиксированные в словарях, которые мы употребляем для перевода группы санскритских терминов политического, социального, фискального характера, используемых для передачи и осмысления фактов реальной жизни и политической практики того времени. Причем иногда навязываемые индийским текстам через такой перевод терминологии концепции служат основанием для суждений о достоверности-недостоверности самих текстов, о времени их создания и т.п. Мы отмечали довольно много таких несовпадений при анализе свидетельств, как литературных памятников, так и эпиграфики.

Примечательно, что если взглянуть на сведения индийских текстов, не навязывая им готовой универсальной модели структуры государства^{viii}, то можно найти ряд важных с рассматриваемой надписью параллелей в авторитетных текстах. Известно построение "общественной иерархии" в дхармашастре Ману, которое приводится и в Махабхарате, где правитель деревни именуется термином *адхипати* и, одновременно, *грамика* (староста деревни), а "правитель" десяти, двадцати или 100 деревень - *иша*, при том, что правитель 100 деревень именуется *адхьякша* (надзиратель) (VII. 114 - 116). Следует такой схеме и Вишнумрити, называя правителей деревни, 10, 100 селений и области одновременно терминами *адхипа* и *адхьякша* (причем уже на уровне деревни такой "правитель-надзиратель" наделяется правом предоставлять жителям льготы-*парихара*^{ix}). Не является противоречием и то, что в построениях индийской литературы "о политике" одним и тем же термином *раджа* могут именоваться и правитель "державы" (*мандалы*) и правитель "царства" входящего в мандалу, и "союзник", правитель территории входящей, согласно концепции "*саптанга*" в последнее. Вполне реальный политический контекст мы можем видеть в употребляемой со времени Кушан титулатуре типа "царь царей" (*махараджадхираджа*, *раджадхираджа* и т.п.). Из эпиграфики I половины I тысячелетия н.э. мы имеем достаточно много свидетельств, позволяющих видеть в упомянутых свидетельствах вполне определенный смысл - правители, лица обладавшие властью в рамках той или иной территории (неважно, были ли они представителями знати, местной элиты, руководством организаций общинного типа, каждый из которых мог толковаться, как личный слуга царя) воспринимались и как лица, осуществляющие управление в рамках этой территории, исполняющие функции "администраторов". Никакой иной "специальной" администрации индийские надписи I половины I тысячелетия н.э. не фиксируют.

В последовательности событий излагаемых в надписи подразумевается ряд важных деталей, о существовании которых мы имеем право догадываться. Прежде всего, я имею в виду форму правления в упомянутых "деревеньках". Очевидно, до появления торговцев здесь не было ни "правителей", ни каких-либо представителей царской власти, ни, тем более, - "царской администрации". Царь собрал **жителей** трех деревенок и обратился к ним с требованием о

подати, **жители** обратились за помощью к торговцам, **жители**, встречая Удаяману после того, как он вернулся от Адисимхи, обратились к нему с просьбой стать царем. Первоначально, власть в воспринимавшихся, как единое целое деревеньках (об этом позволяет догадываться постоянное выделение в качестве **главной** - Бхрамара-Шалмали) находилась, видимо, в руках местной деревенской организации. Эта местная организация использовалась, возможно, до появления торговцев и в качестве административной структуры - во всяком случае здесь не существовало иных институтов для сбора царских податей. Она же, возможно, через старейшин, обратилась к торговцам с просьбой стать правителями в деревеньках.

Появление в деревне торговцев, которые, конечно же, не путешествовали в одиночку и без охраны, ситуация с появлением царя Адисимхи и его требованием о выплате подати послужила причиной удивительно легкой и быстрой смены власти - так, во всяком случае говорится в надписи. Царя Магадхи явно не беспокоила такая смена власти - иных способов для получения податей с жителей деревенок, кроме "объездов" таких территорий он вряд ли имел. Даже наоборот - появление правителя в рамках данной территории, ответственного за сбор податей, было ему выгодно (всегда легче обеспечивать лояльность и покорность единоличного правителя).

Можно предполагать и определенную выгоду, которую видели жители деревенок в том, что "милостивые торговцы" станут правителями этой территории. Очевидно, Бхрамара-Шалмали находилась вблизи от важной торговой дороги из Айодхьи к Бенгальскому заливу (поэтому братья здесь и остановились). Здесь наверняка действовали отряды разбойников, более действенную защиту от которых могли обеспечить "правители"-торговцы. Поводом призвать их в качестве правителей было богатство братьев, выплативших за жителей подать царю Адисимхе (при этом, вряд ли торговцы стали бы платить, не предполагая получить от жителей что-либо взамен). И, наконец, поводом призвать братьев-торговцев в качестве правителей, вполне могла быть легкость, с которой они смогли договориться с Адисимхой.

Нет сомнений и в том, что приглашение править в трех деревеньках было вполне выгодно братьям-торговцам. Наряду со сменой общественного статуса на более почетный, они взяли на себя обязанность "охранять" территорию

деревенек (обязанность всегда в индийской традиции подразумевавшую выплату жителями такой территории "платы" за охрану), обеспечивать выплату податей жителями этой территории верховному правителю. Братья-торговцы именуется в надписи *раджами*, поскольку они стали таковыми по существу, взяв на себя обязанности защищать население, осуществлять контроль за сбором податей, контакты (сводившиеся, видимо, к регулированию выплат) с могущественным верховным царем Магадхи, представляя и защищая интересы территории. Содержание отношений *раджей*-торговцев и населения трех деревенок вполне соответствует отношениям царь-подданные в индийской традиции.

Мы отмечали ранее, что в индийских источниках любая территория (в том числе, царства) может осмысляться как большая семья, род или племя, жители проживающие на такой территории, подданные правителя - как дети, соплеменники, части таких территорий - как земли отдельных семей, их правители - как "братья и сестры" доминирующего царя. Причем вряд ли стоит сводить такое осмысление их лишь к идеологии, преуменьшать их реальное значение. Любой царь-*раджа* в индийских источниках мог, одновременно именоваться, как "господин", "владелец-правитель" (*свамин*)^x, "кормилец", "глава семейства" (*бхартар*) и т.п. В данном случае мы, повидимому, имеем обратный случай, когда власть правителя деревеньки ассоциируется с царской (*раджья*), а сам он именуется *раджей* или владельцем *мандалы* ("державы", т.е., нескольких иных территорий, зависимых от такого правителя), что столь же логично следует из содержания отношений в рамках такой территории.

Перевод надписи из Дудхпани.

1. О богиня удачи ! Те, кто нетерпим к успехам других людей, увидев тысячу ее изображений в человеческом облике, подобных тому, что высечено на драгоценном камне, находящемся на капюшоне царя змей Ананты - хлопая в

ладоши вы должны восславить (её), ради собственного успеха, ту, что вызывает блеск ожерелья Хари.

2. Был в прежние времена верховный правитель Магадхи Адисимха, единственный лев среди своих врагов-слонов, который был известен своим могуществом и обладал двойственностью подобно божественному Джарасандхе^{xi}.

3. В Бхрамара-шалмали, Чхингалая и Набхутишандаке был он в прежние времена правителем.

4. И вот как-то повстречал он трех братьев купцов, возвращавшихся из Айодхьи в Тамалипти после удачной торговли.

5. Они направлялись домой и желали двигаться дальше, но по какой-то причине остановились в этой деревне.

6. Торгуя, нажили они большое богатство - золото, драгоценные камни, рубины и жемчуг, обладая которыми они соперничали с самим "Владыкой сокровищ" (Куберой)

7. Так же, как Кубера, были они прибежищем для всех живых существ (ищущих поддержки), подобно Творцу Мира, пришли (они) на эту землю, обладая истинным состраданием и приветливостью.

8. Как Луна, дрожащая от холода, твердая, как гора Кайласа, покрытая темными пятнами, всегда беспомощна в борьбе с лучами солнца и ежедневно гибнет, так и те, кто ищет помощи у проявляющего нерешительность, обычно губят (такого человека, даже) обладающего всеми достоинствами, - здесь же было превосходство их характера с чистыми достоинствами несравнимо.

9. Не был, в прежние времена, равен братьям по щедрости даже Карна, который героизмом не смог сравниться с Арджуной, и обладали они достаточной силой, основы для достижения трех миров и великого могущества, чтобы стоять во главе (битвы-)жертвоприношения героев, подымая их (т.е., героев), как калек

10. Были они желанны для всего мира как сандаловые деревья, как мазь из порошка коры сандала для тела. Их достоинства украшали все части света, как необычно красивая белая одежда, подчеркивающая силуэт груди богини Раджьяшри, как восхитительный холодный блеск лучей луны.

11. Достоинства их были возвышенными, благодаря знаниям. Не были они склонны к высокомерию, слепоте и иным губительным привычкам, а были

заняты поклонением образу процветания, как лучи света в грубом и беспощадном мире. Благодаря состраданию (ко всем людям были они), как (родные) семьи (для людей), и, великодушные и усердные, почитали они Шиву и Шаури (т.е., Вишну-Кришну)

12. Как-то, тот почтенный правитель Адисимха, отправившись в лес, где собирался развлечься охотой, появился прежде в этой (деревне).

13. Собрав народ из трех деревенок, он провозгласил - вы и другие, все вместе, быстро должны собрать для меня (подать-) *авалагана*.

14. Услышав об этом, следуя приказам правителя, жители обратились за помощью к старшему брату из купцов - Удаямане.

15. (Согласился он помочь жителям) и (подать-) "*авалагана*" требуемую правителем (Адисимхой) послал, в результате чего сразу стал он любимцем правителя.

16. Всего за несколько дней, находясь рядом с правителем, получил от него он, как милость, диадему и затем убедил Шри Адисимху, чтобы тот выразил жителям деревеньки Бхрамара-Шалмалли свое удовлетворение.

17. Польщенные этим в высшей степени, жители Бхрамара-Шалмалли, встретив своего гостя, смиренно склонились перед ним : "Будь ты здесь правителем, охраняя эту деревеньку," - так, громко говорили ему они, желая видеть его правителем.

18. "Действительно, так должно быть" - такой ответ от него услышав, преподнесли они ему ранг правителя и назначили правителем земли. Так здесь эта семья торговцев-великих воинов, чьи враги были уничтожены благодаря их героизму, известная в течение длительного времени, достигла царствования во всех (трех) деревеньках, провозглашенная царской при поклонении освобожденных от подати жителей.

19. Чью славу, достигнутую, благодаря деятельности (Удаяманы в качестве) правителя деревни, обладающего всеми достоинствами - благородством, высоким происхождением, мудростью и щедростью, (его) успехам в безупречных, подобным лучам луны делах, (благодаря) расположению жителей, которое, подобно небесной красавице-апсаре (всегда) располагалось в его доме, (которого) восхваляли женщины-святые (*сиддхи*) сидящие под деревом желаний

распустившемся у края храма Сурендры, вплоть до настоящего времени имеющие пылкие желания (к совершению аскетических подвигов),

20. Возвратился (от правителя Адисимхи этот) Удаямана, таким образом упрощенный жителями и затем в две иные деревеньки отослал обоих своих братьев на царствование.

21. Благородный Шри Дхаутамана был в Набхутишандаке провозглашен (правителем), как подчиненный (*вашья*) Удаяманы, и надолго основал царство.

22. И был, также, Аджитамана, великий правитель в Чхингалае, (обладавший) множеством прекрасных разгневанных воинов (и) разгромленных (ими) кругом противников.

23. Чхингала и [На]бхутишандака прежде были зависимыми (*вашья*) от господина в Бхрамара-шалмали, так же, как (и) эти оба (брата-правителя в указанных деревеньках).

24. Начиная с основателя рода - Удаяманы, с возросшим могуществом, сохранился такой порядок в этой семье - потомки старшего брата - наиболее высокие по положению, так это следует рассматривать - из происхождения (царского) рода. "Пусть будет процветающей эта (Бхрамара-Шалмали и) обе связанные с ней деревеньки" - так говоря, объясняли (все) источники этого превосходства.

25. Насколько мир до границ заполнен облачками пара от дыхания (людей), насколько Шива, супруг Бхавани, владыка земли (вращающий колесо) обеспечивает защиту земли, насколько Брахма выглядит сияющим при размышлениях о происходящем в (этой) семье и из-за радости по причине сотворения мира, настолько (блестящим) выглядит положение семьи божественного царя Удаяманы.

ⁱ К.К. Тхаплиял, упоминающий рассматриваемую надпись (К.К. Thapliyal, *Inscriptions of the Maukharis, Later Guptas, Pushpabhutis and Yashovarman of Kanauj, Delhi, 1985, p. 45*), высказывает предположение, что Адисимха, упоминаемый здесь, и Адитьясена Гупта, сын друга и фаворита Харши Махасенагупты - одно и то же лицо. Рассматривает сюжет надписи Р.Ш. Шарма (R.Sh. Sharma, *Indian Feudalism, Calcutta, 1965, p.33*), толкуя текст, как одно из редких для Индии свидетельств о существовании практики коммендации.

ⁱⁱ Иное значение - "поселение дикого племени" явно здесь неуместно - деревня очевидно находилась на важном торговом пути соединяющем Айодхью с побережьем, именно поэтому в ней остановились, возвращаясь домой, три брата торговца. Вполне возможно, что термином *палли* могли называться мелкие

поселения входящие в рамки более крупной деревенской общины-*грамы*, см., например надпись VI века из Аджибала, где речь идет о дарении Кришнавараманом II Кадамба деревеньки Кармака-палли, которая входила в *граму* Гиригада и находилась в области Карванага (EI, XVI, 268), см., также, Медведев Е.М. Очерки истории Индии до XII века, М., 1990, с.202.

ⁱⁱⁱ Содержание надписи и термин, более в санскритской эпиграфике не встречающийся, не дают основания более точно судить о сути этого сбора. Р.Ш. Шарма (R.Sh. Sharma, Indian Feudalism, Calcutta, 1965, p.33) считал его производным от *олага* в языке каннада, Д.Ч. Сиркар (Indian Epigraphical Glossary, Delhi 1966) - от аналогичного слова в гуджарати

^{iv} Хотя термин *валлабха* не обязательно подразумевает правителя, последующая информация - то, что он был признан царем как "зависимый" правитель в этой деревне и пр., позволяет предполагать именно такой смысл употребления этого термина. В таком же значении он употребляется в "Артхашастре" Каутильи. Не лишним здесь будет отметить, что термином *митра* (друг, союзник) чаще всего, также, назывались зависимые от доминирующего царя правители, а наиболее ясным "проявлением" такой дружбы были выплаты ими податей.

^v Порядок действий (выплата *авалагана* Удаяманой, послужила причиной того, что он стал "любимцем" Адисинхи, получив затем диадему он смог убедить царя выразить жителям свое удовлетворение) позволяет сомневаться в корректности интерпретации этого события Р.Ш. Шармой - признание Удаяманы Адисимхой предшествовало обращению жителей, которое, возможно, явилось лишь следствием такого признания.

^{vi} См., подробнее, Государство в истории общества. М., 2001, с.4-6, 9-15. Строго говоря, в представлениях индологов о складывании государств в древности и средневековье нет ничего необычного и специфически "индийского". Это, скорее, интерпретация соответствующих материалов в духе господствовавших в конце XIX - нач. XX века концепций государственности.

^{vii} См., подробнее, Вигасин А.А. Предисловие к Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М.1990.

^{viii} Аналогичная картина получается при рассмотрении известного термина "Артхашастры" - *адхьякша*.

^{ix} Так обобщенно именуется в эпиграфике в многочисленных дарениях различного рода льготы (иммунитеты) сводимые, преимущественно, к освобождению от податей.

^x Не лишне будет заметить, что именно так, а не *раджамы*, называли себя представители династии Кардамака, которая правила в Сураштре в I пол. I тыс. н.э.

^{xi} Джарасандха, великий царь Магадхи, враг Кришны - букв. (рожденный половинками, но) объединенный (ракшаси) Джара (см. версию его происхождения - Мбх II. 16). Здесь слово *двйтия* в равной степени можно толковать как намек на необычное ("из двух половинок") рождение Джарасандхи, и как намек на то, что он имел двух героев воинов-помощников (Хансу и Дибхаку), чрезвычайно усиливавших его могущество (Мбх. II. 13).